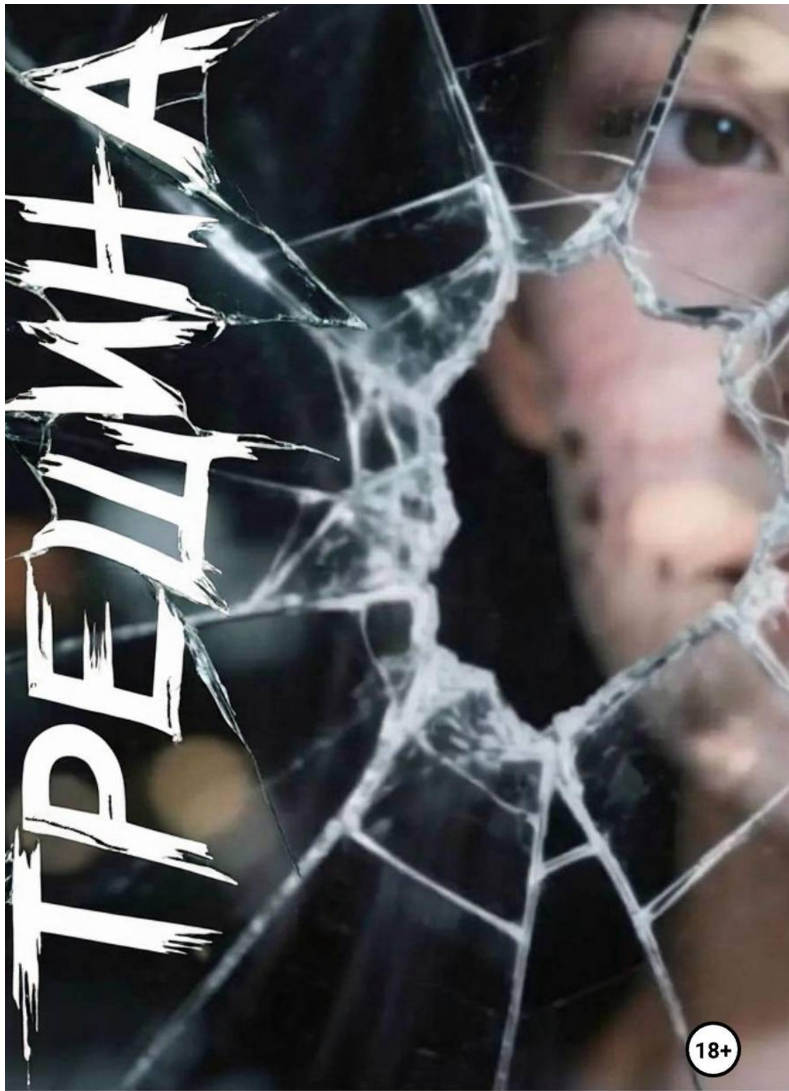

18+

Сергей Ходорев

Трещина

<https://litres.ru/74515313>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Трещина» — хроника падения Вики: от детской веры в добро до полного отчуждения. Каждый шаг — следствие предыдущего, а «помощь» окружающих лишь углубляет пропасть. Через лейтмотивы (трещины, зеркала, записки на холодильнике) автор показывает, как рушится внутренний мир — не от одного удара, а от будничного равнодушия. Это не история о «сильной героине», а свидетельство о хрупкости судьбы и цене молчания. Для читателей старше 18 лет.

Сергей Ходорев

Трещина

Вика

Пролог. Тёмные стёкла

Два часа ночи. Тёмная «девятка» с тонированными стёклами катит по пустому проспекту. Фонари мелькают за окном, как стробоскопы — жёлтый, тёмнота, жёлтый, тёмнота. Вика сидит на заднем сиденье, закинув ногу на ногу, и смотрит в окно, хотя смотреть там не на что. Город давно уснул. Только редкие машины проносятся мимо, да где-то вдалеке мигает вывеска круглосуточного ларька.

За рулём — Толик. Он всегда молчит. Ему платят за то, чтобы он возил, а не за разговоры. Иногда он включит радио — тихо, едва слышно, чтобы не мешать. Сейчас играет что-то из девяностых, какой-то старый хит, и Вика невольно узнаёт мелодию, но не может вспомнить, кто поёт. Или не хочет вспоминать.

На Вике — короткое чёрное платье, туфли на шпильке, которые она давно научилась носить так, будто родилась в них. Косметика наложена профессионально: глаза прорисованы, губы — тёмно-бордовые, кожа — ровная, матовая. Она выглядит старше своих лет. Намного старше. Хотя сколько ей? Двадцать три? Двадцать четыре? Она иногда сама пута-

ется. В паспорте — одно, в зеркале — другое, внутри — третье.

Телефон в сумочке вибрирует. Она не смотрит. Знает, кто. Диспетчер. Или клиент, который уточняет, скоро ли. Или мама, которая опять не может уснуть и пишет: «Викуль, ты когда приедешь?» Она ответит маме потом. Позже. Или завтра. Или не ответит вообще, потому что мама не знает, где она. Никто не знает, где она ночью. Все думают, что она работает в ночную смену на заводе. Хорошая легенда. Надёжная. Мама верит. Бабушка верила бы тоже, но бабушки уже два года нет.

— Подъезжаем, — говорит Толик, не оборачиваясь. — Сауна «Лотос». Знаешь?

— Знаю, — отвечает Вика. Голос ровный, привычный. Как у диспетчера, который говорит «ваш заказ принят». Как у кассира, который говорит «сдачу получите на кассе». Никакой интонации. Никакого чувства.

Машина сворачивает во двор, тормозит у приземистого здания с неоновой вывеской. Буква «Л» в слове «Лотос» не горит, и получается «отос», что почему-то каждый раз смешит Вику, хотя смеяться ей не хочется.

Она выходит из машины. Ночной воздух бьёт в лицо — холодный, резкий, с привкусом бензина и мокрого асфальта. Октябрь. Вика поправляет платье, закидывает сумочку на плечо, проверяет, всё ли на месте: телефон, презервативы, влажные салфетки, духи, баллончик с перцовым баллончи-

ком «на всякий». Всё на месте. Всё, как всегда.

Дверь сауны открывается, и оттуда пахнет хвоей, пивом и чем-то жареным. На пороге — администратор, толстый мужчина в спортивном костюме, с сигаретой за ухом:

— Ты от Виктора?

— От Виктора, — кивает Вика.

— Два часа. Комната три. Клиент уже там.

— Понятно.

Она идёт по коридору. Линолеум на полу — протёртый, с прилипшей жвачкой у порога. Стены обиты панелями под дерево, кое-где отошли, и за ними чернеет бетон. Вика стучит, заходит. Клиент — мужчина лет сорока, в полотенце, с красным лицом и мутными глазами. Улыбается, и от этой улыбки Вика чувствует привычную пустоту внутри — не боль, не страх, не отвращение. Просто пустоту. Как будто внутри выключили свет, и она идёт на автопилоте, как робот, как механизм, который выполняет программу.

Дверь закрывается.

Позже, когда всё заканчивается, когда Толик снова везёт её домой, когда город начинает синеть перед рассветом, Вика сидит на заднем сиденье и смотрит в потолок машины. На обшивке — пятна от сигарет, трещина на плафоне. Радио снова играет что-то старое, и на этот раз она узнаёт: «Руки Вверх». «Крошка моя, я по тебе скучаю...»

И вдруг — как удар — вспышка: школьный спортзал, гир-

лянда из фольги, кассетный магнитофон «Вега», Ленка шепчет: «Вик, ты видела? Он на тебя смотрел!» — и сердце стучит так, будто сейчас выскочит, и мир огромный, и впереди — всё, всё, всё...

Вика закрывает глаза. Откидывает голову на холодное стекло.

Как я здесь оказалась? — думает она. — Как? Когда? В какой момент?

Она знает ответ. Знает точно. Всё началось не сегодня, не вчера, не год назад. Всё началось в один вечер, в одной тёмной комнате, с одним человеком, который отнял у неё нечто такое, что она уже никогда не смогла вернуть. Не невинность — это слово слишком красивое для того, что произошло. Он отнял доверие. Он отнял веру в то, что мир добрый. Он отнял Вику — ту Вику, с косичками, которая стояла перед зеркалом и думала, что впереди — цветы, нежность и длинные разговоры.

А осталась — эта. В чёрном платье, на заднем сиденье «девятки», с тонированными стёклами, в два часа ночи.

Бабушка была права, — думает Вика. — Главное, чтобы внутри была красивая.

Она усмехается. Криво, безрадостно.

— Приехали, — говорит Толик, тормозя у её дома.

— Спасибо.

Она выходит, поднимается по лестнице, заходит в квартиру. Тихо. Мама спит. На холодильнике — записка: «Викуль,

суп в кастрюле, не забудь поесть, я тебя люблю».

Вика стоит на кухне, смотрит на записку, и внутри — там, где давно уже пустота — что-то шевелится. Маленькое, тёплое, далёкое. Будто искра в остывшем костре.

Она роняет сумочку на пол, садится на табуретку, кладёт голову на руки и закрывает глаза.

И всё возвращается: бабушка, каша, фотоальбом, лагерь, открытки, органайзер с ручкой, синее платье с цветочным узором, подъезд, который пахнет сыростью, звонок, дверь, музыка, его улыбка, его голос, тёмная комната, боль, забвение...

Как всё началось?

А началось всё хорошо.

Глава 1. Девочка с косичками

Вика жила неплохую жизнь. Если бы кто-то попросил её описать своё детство одним словом, она бы, наверное, сказала: «тёплое». Не потому что всё было идеально — идеального не бывает, — а потому что рядом всегда были люди, которые её любили.

Бабушка Зинаида Петровна работала на почте. Каждое утро она вставала в шесть, варила кашу, накрывала на стол и будила Вику песенкой, которую сама придумала:

— Вставай, вставай, пора гулять, солнце в окна заглядь-глядь!

Вика хмурилась, прятала голову под подушку и хихикала.

Бабушка делала вид, что обижается, потом не выдерживала и сама смеялась:

— Ну и соня, вся в маму.

Мама, Наталья Сергеевна, работала на фабрике — сменами, рано уходила, поздно приходила, но всегда, всегда находила минутку. То записку на холодильнике оставит: «Викуль, суп в кастрюле, не забудь поесть, я тебя люблю», то позвонит в перерыве:

— Ну как ты там? Уроки сделала?

— Мам, ну конечно!

— А по русскому?

— Мам!

— Ладно-ладно. Я вечером приду, пирогов принесу.

Отец ушёл, когда Вике было семь. Не ушёл — скорее растворился. Однажды он просто не вернулся с работы, потом позвонил, сказал, что нашёл другую женщину, и будто его никогда и не было. Вика помнила его смутно: большие руки, запах одеколona, голос, который читал ей сказки на ночь. Но голос этот с годами становился всё тише и тише, пока не исчез совсем.

Бабушка, заметив, что Вика перестала спрашивать про папу, однажды сказала:

— Ты, внученька, не держи на него зла. Люди бывают слабые. Но ты-то у нас сильная.

Вика кивнула. Не потому что поняла, а потому что бабушке так было спокойнее.

Выходные были особенным днём. Бабушка доставала свой потрёпанный фотоальбом, и они вместе рассматривали чёрно-белые снимки:

— А это я молодая, смотри, какая стройная была. Это на заводе, а вот это — твой дед, царствие ему небесное. Красивый, да?

— Бабуль, а почему у тебя тут платье такое длинное?

— Потому что в наше время короткие не носили. Скромнее были.

Вика слушала, разглядывала фотографии, и ей казалось, что раньше всё было проще и понятнее.

На каникулах — лагерь. Каждый год, без исключения. Бабушка паковала чемодан так, словно Вика уезжала на Северный полюс: свитер на всякий случай, две пары тёплых носков «потому что ночи холодные», аптечка, в которой было всё — от пластыря до активированного угля.

— Бабуль, ну это же лагерь, а не экспедиция!

— Мало ли что, — отвечала бабушка, утрамбовывая чемодан с решительностью генерала перед боем.

В лагере Вика любила всё: запах сосен, утреннюю росу на траве, вечерние костры, когда кто-то рассказывал страшные истории, и все сидели, вцепившись друг в друга, а потом с хохотом разбегались по палатам. Она писала бабушке письма на открытках, которые та дала ей «на всякий случай»:

«Дорогая бабуля! У меня всё хорошо. Вчера были соревнования, наша команда заняла второе место. Жарко, мухи

много. Целую, твоя Вика».

Бабушка хранила все эти открытки в том же фотоальбоме, между фотографиями.

Вика росла хорошим ребёнком: спокойным, покладистым, не склонным к дракам и скандалам. Училась неплохо — не отличница, но и не двоечница. Любила литературу, рисование, иногда — математику, если настроение было хорошее. У неё были подружки, была компания, были секреты, были мечты. Обычные мечты пятнадцатилетней девочки.

И всё было хорошо. До одного дня.

Глава 2. Кислотные заколки

К своим пятнадцати годам Вика очень повзрослела. Она была не по годам развитая, будто тело спешило вперёд, а душа не успевала. У неё рано появилась хорошая грудь, и она не знала, что с ней делать: то ли прятать, то ли, наоборот, носить то, что подчёркивает. Мама замечала и тихо ворчала:

— Викуля, эта блузка слишком... открытая. Может, другую наденешь?

— Мам, ну все так ходят! Ты что, из пещеры?

— Я не из пещеры. Я просто мама.

— Вот именно, что мама, — фыркала Вика и уходила в комнату, хлопая дверью.

Бабушка в таких случаях садилась на табуретку у окна, качала головой и говорила:

— Наташа, не дави на неё. Она растёт, ей надо.

— Мам, я не давлю. Я просто переживаю.

— Вот и не переживай. Мы её вырастили хорошую, она и дальше хорошей будет.

Девяностые были временем ярких красок. Вика, как и все её сверстницы, обожала всё кислотное, блестящее, броское. Зелёные тени с перламутром, розовая помада, тушь, которая якобы не размазывалась, но, конечно, размазывалась. Заколки со стразами, резинки с металлическими шариками, обручи, обтянутые бархатом. Она покупала всё это на карманные деньги, которые давала бабушка — «на мороженое», конечно, но Вика мороженое любила меньше, чем косметику.

— Бабуль, ну посмотри, ну как тебе?

Бабушка поднимала очки, прищуривалась:

— Ну... крашенная. Как кукла.

— Бабуль! Это же мода!

— Мода-шмода. Главное, чтобы внутри была красивая.

Вика закатывала глаза, но в глубине души знала, что бабушка права. Просто сейчас, в пятнадцать, внешнее казалось важнее внутреннего. Гораздо важнее.

Дискотеки были отдельной стихией. По субботам школьный спортзал превращался в танцевальный зал: гирлянда из фольги на стене, магнитофон «Вега», кассеты, которые кто-то из старшеклассников приносил из дома. Танцевали под «Руки Вверх», «Иванушек International», «Кар-Мэн». Вика приходила с подружками, и они сначала стояли у стенки, жались, хихикали, а потом, когда начиналась знакомая песня,

выбегали в центр и плясали так, будто завтра не будет ни уроков, ни контрольных, ничего.

— Вик, ты видела? Он на тебя смотрел!

— Кто?!

— Ну Максим, из десятого! Смотри, смотри, опять смотрит!

Вика делала вид, что ей всё равно, но сердце уже неслось вскачь.

Максим. Из параллельного, из десятого «Б». Высокий, русоволосый, с хитрой улыбкой. Вика заметила его ещё в сентябре, когда он зашёл в столовую, купил булочку и, проходя мимо, случайно толкнул её плечом.

— Ой, извини, — сказал он, и улыбнулся.

— Ничего, — ответила Вика, и голос её дрогнул.

С тех пор она стала замечать его везде: в коридоре, на линейке, у расписания. Он был на два года старше, и от этого казался недостижимым, как звезда на ночном небе. Вика не признавалась никому, что думает о нём перед сном, просто лежала и прокручивала в голове сценарии, в которых он вдруг подходит и говорит что-то, от чего мир становится лучше.

Мама с бабушкой не отказывали ей в дискотеках. «Только до десяти», — говорила мама, застёгивая пуговицу на куртке.

— До десяти, мам, обещаю!

— И чтобы звонила, если что.

— Конечно, мам.

Вика выбегала из дома, бежала по тёмной улице, и ей казалось, что впереди — целая жизнь, и она будет прекрасной.

Глава 3. Органайзер с ручкой

Это случилось в обычный вторник. Ничего особенного: уроки, перемена, запах мела и школьных коридоров, кто-то кричал на лестнице, кто-то ел булочку, кто-то списывал домашку.

Вика стояла у расписания, прижимая к груди тетрадь, и думала о том, что на физику она не подготовилась. Мимо прошли мальчишки из девятого, толкаясь и хохоча. Потом из-за угла появился Максим.

Он шёл вразвалку, засунув руки в карманы, будто у него не было ни единой заботы на свете. Увидел Вику, остановился, облокотился на стену рядом с расписанием, будто изучал его, хотя все знали, что Максим никогда не смотрел на расписание.

— Привет, — сказал он.

Вика вздрогнула.

— П-привет.

— Слушай, — он повернулся к ней, и от этой близости у неё перехватило дыхание. — У меня в субботу день рождения. Приходи. Будет весело.

Вика моргнула. Потом ещё раз. Потом поняла, что он говорит серьёзно, и внутри всё вспыхнуло, как спичка.

— А... а кто ещё будет? — она старалась, чтобы голос звучал небрежно, но он дрожал, и она это знала.

Максим пожал плечами:

— Да так, пара ребят. Ничего особенного. Но ты приходи. Было бы круто.

— Я... подумаю.

— Не долго, — он усмехнулся и ушёл, не оглянувшись.

Вика стояла у расписания, и мир вокруг изменился. Звуки стали другими, свет — ярче, воздух — легче. Она побежала к подружкам, схватила Ленку за рукав:

— Ленка! Ленка, он меня позвал! На день рождения!

— Кто?!

— Максим!

Ленка округлила глаза:

— Ты серьёзно?! Максим из десятого?!

— Ну да!

— Офигеть. И что ты будешь делать?

— Не знаю. Пойду, наверное.

— Конечно пойдёшь! А что наденешь?

Этот вопрос стал главным на ближайшие три дня. Что надеть? Что подарить? Как накраситься? Что сказать? Как вести себя? Вика прокручивала в голове десятки вариантов, каждый отвергала, придумывала новый, снова отвергала.

В субботу утром она встала в семь — хотя вставать было некуда, вечеринка вечером. Лежала, смотрела в потолок, и сердце уже стучало часто-часто, как будто знало что-то, чего

не знала она сама.

Подарок. Она пошла в магазин на углу, долго ходила вдоль полок, трогала коробки, разглядывала упаковки. Набор ручек — слишком скучно. Кассета — у него наверняка есть. Брелок — несерьёзно. И тут увидела: органайзер. Тёмно-синий, с яркой синей окантовкой, с ручкой, которая вставлялась в специальный паз. Строгий, но не скучный. «В самый раз», — подумала Вика, представляя, как Максим улыбнётся и скажет: «Спасибо, Вика, ты лучшая».

Дома она долго сидела перед зеркалом. Накрутила волосы на большие бигуди, которые бабушка использовала ещё в советские времена. Накрасилась: тени — нежно-розовые, не кислотные, сегодня особенный день. Помада — бледно-розовая, почти незаметная, «как у мамы в юности». Подводка — тонкая, аккуратная. Она выглядывала из зеркала, как картина, и в этой картине всё было на своих местах.

Платье. То самое — с мелким цветочным узором, синее с белым, которое бабушка купила ей в прошлом году в кооперативном магазине. Вика берегла его для особого случая, и вот этот случай настал. Она надела его, покрутилась перед зеркалом, поправила подол.

Мама зашла в комнату, остановилась в дверях:

— Ну что, выглядишь как принцесса.

— Мам, ну не надо, — Вика покраснела.

— Ладно-ладно. Только помни: до десяти. И если что — сразу звони.

— Конечно, мам.

— Обещаешь?

— Обещаю, мам.

— Ну иди, — мама обняла её, крепко, по-настоящему. —

Будь умницей.

Бабушка проводила до двери, сунула в карман сто рублей:

— На всякий случай, внученька. Мало ли.

— Бабуль, у меня есть.

— Мало ли, — повторила бабушка и поцеловала её в лоб.

Вика вышла на улицу. Был тёплый осенний вечер, воздух пах палой листвой и чем-то сладким, незнакомым. Она шла и улыбалась. Мир был добрым, и она не чувствовала опасности.

Глава 4. Тусовка

Она нашла нужный дом — панельную девятиэтажку на окраине района, серую, как все такие дома, но сегодня кажущуюся ей сказочным замком. Подъезд был тёмный, пахло сыростью и сигаретами. Вика поднялась на третий этаж, остановилась у двери, и вдруг оробела. Стояла, прижимая к себе пакет с подарком, и не могла заставить себя позвонить. Внутри играла музыка — такой плотный, вибрирующий бит, от которого, казалось, дрожали стены.

«А вдруг он не рад будет? — подумала она. — Вдруг это была шутка? Вдруг я пришла, а там все старше, и я буду лишняя?»

Она постояла ещё минуту, набрала воздуха и нажала на кнопку звонка.

Дверь распахнулась, и на пороге стоял Максим. Джинсы с потёртостями, белая футболка, босиком. Волосы растрёпаны, будто он только проснулся, хотя было семь вечера.

— О, Вика! Заходи, — он отступил, пропуская её. — Мы уже тут всю.

Она шагнула внутрь. В прихожей было тесно: куртки, сумки, чья-то обувь валялась на полу. Из комнаты доносились голоса, смех, музыка. Вика разулась, поправила волосы и прошла в зал.

Квартира была полна людей. Парни, девчонки — все старше, все будто из другого мира: уверенные, громкие, свободные. Кто-то сидел на диване, кто-то на подоконнике, кто-то прямо на полу. На столе стояли бутылки, стаканчики, тарелки с нарезкой, чипсы, сухарики. В воздухе — запах табака, дешёвого парфюма и чего-то сладкого, будто кто-то пролил газировку.

Вика почти никого не знала. Она увидела одну знакомую — Светку из соседнего класса, но та была уже изрядно весёлой и только махнула рукой:

— О, Вика! Иди сюда, садись!

Вика села на край дивана, прижимая пакет с подарком к коленям. Максим подошёл, сел рядом, обнял за плечо — небрежно, по-дружески:

— Ну что, подарки? Давай.

Вика протянула пакет. Руки чуть дрожали.

— С днём рождения, Максим. Это тебе.

Он развернул, достал органайзер, глянул мельком, хмыкнул:

— О, органайзер. Класс. Спасибо.

И бросил его на тумбочку рядом с другими подарками — без разбора, без интереса, будто ещё один предмет в куче вещей.

Вика почувствовала укол обиды, но тут же себя одёрнула: «Не обижайся, это же праздник, он же не обязан был прыгать до потолка». Он поцеловал её в щёчку — быстро, почти небрежно, — и Вика вся налилась краской, засмушалась.

— Ну что, будешь шампанское? — спросил он, уже вставая.

— Я... не знаю. Я не очень умею.

— Все умеют, — он улыбнулся. — Подожди, сейчас налью.

Он ушёл на кухню, и Вика осталась одна, вернее — среди людей, но одна. Она сидела, сложив руки на коленях, и разглядывала комнату. На стене — ковёр с оленями, как у бабушки. На полке — книги, которые, судя по пыли, никто не трогал. Телевизор включён, но звук убавлен. Кто-то пел в караоке — плохо, фальшиво, но все хлопали.

Максим вернулся с двумя пластиковыми стаканчиками, один протянул Вике:

— За меня. За здоровье.

Вика взяла стаканчик, сделала глоток. Шампанское было сладким, пузырьки защекотали в носу, и она чуть не чихнула.

— Ну как? — спросил Максим.

— Вкусно, — кивнула Вика, и это была правда.

— Давай до дна, — он поднял свой стаканчик. — За именинника.

Она выпила, и ей стало тепло и легко, будто внутри зажгли маленькую лампочку. Музыка заиграла громче, кто-то включил песню, все начали подпевать, и Вика тоже — тихо, стесняясь, но подпевала.

Родителей у Максима не было дома. Они ушли куда-то в гости по его просьбе — он сам сказал, проходя мимо:

— Не парься, предки не придут. Сегодня наша туса.

Вика не знала, что в его голосе за этой небрежностью прячется расчёт.

Глава 5. Портвейн

Часа через два шампанское закончилось, и кто-то из парней — здоровый, с бритой головой, которого все называли Серый — вытащил бутылку портвейна.

— Ну что, переходим на тяжёлую артиллерию? — он ухмыльнулся и хлопнул бутылкой по столу.

— Давай! — закричали все.

Разлили по стаканам. Портвейн был тёмно-рубиновым, густым, пахнул чем-то тяжёлым и сладковатым, как забродившее варенье. Максим протянул стакан Вике:

— На, попробуй. Это лучше шампанского.

Вика понюхала, поморщилась:

— Я не хочу, правда...

— Да ладно тебе, Вик, — он улыбнулся так, будто это была игра. — Выпей за моё здоровье. Уже второй раз за сегодня, ха-ха.

Она сделала глоток. Терпкий, горький вкус обжёг горло, и она закашлялась.

— Фу, — она поставила стакан. — Это противно.

— Привыкнешь, — он пододвинул стакан ближе. — Давай, ещё чуть-чуть. За именинника — надо.

Вика посмотрела на него. Он улыбался, и в этой улыбке было что-то такое, от чего хотелось ему угодить. Чтобы он снова посмотрел на неё. Чтобы снова сказал «Вик», а не «эта девочка». Она выпила.

Через полчаса Максим снова подошёл со стаканом:

— Давай, ещё один. За нас.

— За нас? — Вика удивилась.

— Ну, за тебя и за меня. Ты ведь пришла, значит — мы уже друзья, да?

— Друзья, — она улыбнулась и выпила.

После второго стакана портвейна ей стало дурно. Голова закружилась, комната поплыла, звуки стали какими-то тягучими, будто кто-то замедлил плёнку. Лица людей расплылись, голоса стали далёкими, будто из-под воды. Вика схватилась за край дивана, пытаясь удержаться.

— Мне... мне что-то нехорошо, — прошептала она.

Светка рядом уже спала, уронив голову на стол. Никто не обратил внимания.

— Да ты просто перенервничала, — Максим заметил, положил руку ей на плечо. — Пойди приляги. Вон там, в комнате родителей. Тихо будет. Полежишь, пройдёт.

— Может, я домой пойду?.. — Вика попыталась встать, но ноги не держали.

— Куда ты пойдёшь в таком состоянии? Лежи. Я зайду потом, проверю.

Она кивнула — не потому что согласилась, а потому что не было сил спорить. Пошла, шатаясь, держась за стену. Коридор качался, как палуба корабля. Дверь в комнату родителей была приоткрыта. Вика вошла, закрыла за собой.

Комната была полутёмной, пахла старыми книгами, деревом и чем-то цветочным — может, мамины духи. Кровать была широкая, застеленная белым покрывалом. Вика легла, не снимая платья, только скинула туфли. Закрыла глаза.

«Только немного полежу, — подумала она. — Потом встану и пойду домой. Мама сказала до десяти...»

Шум из зала постепенно затихал, превращаясь в далёкий, невнятный гул. Веки словно налились свинцом. Она провалилась в полудрёму, где реальность смешивалась с обрывками снов: бабушка варит кашу, мама смеётся, лагерь, костёр, палатки, его улыбка, его голос...

Глава 6. Зверь

В этом полусознательном состоянии она почувствовала, как кто-то гладит её ноги. Движения были настойчивыми, жадными, и от этого прикосновения по коже пробежал ледяной холодок. Вика хотела открыть глаза, но веки были тяжёлыми, будто налитыми бетоном.

«Что это? — подумала она. — Сон? Наверное, сон...»

Потом чьи-то руки потянулись к груди, и прикосновение стало грубым, жадным, без нежности. Вика попыталась отстраниться, сдвинуться, но тело будто не слушалось, будто чужое.

— Макс?.. — прошептала она, и голос был таким слабым, что она сама его едва слышала.

— Тише, тише, — ответил голос. Его голос. — Всё хорошо.

Она чувствовала, как он стягивает с неё платье, задирая ткань, не заботясь о том, что она может чувствовать. Расстёгивает лифчик — резко, одним движением. Снимает трусы — без всякой церемонии, без слов, будто она была не человеком, а вещью, которую можно взять, не спрашивая.

Страх переполнил её. Он был не таким, как раньше, не тем детским страхом — от темноты, от страшной сказки, от грозы. Этот страх был новый, взрослый, звериный. Он сковал горло, не давая крикнуть. Он парализовал тело, не давая пошевелиться. Вика хотела сказать «нет», «стой», «не надо», но слова застряли где-то глубоко, в самой глотке, и не шли

наружу.

Максим действовал как хищник. В его движениях не было ни капли заботы, ни нежности, ни тепла. Он был неуклюж, груб, быстр — будто боялся, что она очнётся, что кто-то войдёт, что время закончится.

Он раздвинул ей ноги. Вика почувствовала острую, пронзительную боль внизу живота — такую резкую, что мир на секунду стал белым. Она всхлипнула, но из горла вышел только тихий, сдавленный звук, который никто не услышал.

Перед ней, в полусознательном состоянии, было дёргающееся над ней тело. Она видела его размыто, как в тумане, и ей было больно — физически больно, и ещё большее было от того, что она никак не могла сопротивляться. Она была придавлена его телом, и ей некуда было деться, не на кого позвать, не к кому обратиться.

Она не знала, сколько это длится. Минуты? Часы? Ей казалось, что это длится вечность, что время остановилось, и она застряла в этом мгновении навсегда, как муха в янтаре.

Потом сознание померкло. Боль и стыд, и обида, и непонимание — всё смешалось в один тёмный комок, и она ушла в забвение.

Глава 7. После

Когда она пришла в себя, в комнате было тихо. Музыка из зала не гремела — либо вечеринка закончилась, либо все ушли, либо она просто перестала это слышать. Вика лежала,

сжавшись в комок, подтянув колени к груди, натянув на себя покрывало, и не могла пошевелиться. Не потому что не было сил — а потому что не знала, что делать дальше.

Она не могла смотреть Максиму в глаза. Даже думать о нём — и то было больно. Его имя, которое ещё вчера грело, теперь обжигало, как прикосновение к раскалённому.

Ей не понравилось первое ощущение «любви». Не понравилось взросление. Не понравилось превращение в девушку. Всё, о чём она мечтала, — нежность, тепло, чьё-то бережное отношение, — всё это было грубо растоптано в один вечер, в одной тёмной комнате, одним человеком, которому она была не нужна.

Она не так представляла это. Она представляла иначе: цветы, долгие разговоры, улыбки, чьи-то руки, которые бережно держат её за плечи, и голос, который говорит: «Ты мне очень дорога». Она представляла это так, как в книжках, как в фильмах, как бабушка рассказывала про дедушку: «Он три года за мной ухаживал, букеты таскал, стихи писал, а потом пришёл к моему отцу и сказал: „Вашу дочь, пожалуйста“».

А получилось — тёмная комната, запах портвейна, грубые руки, и тело, которое болит.

Вика лежала и плакала. Тихо, беззвучно, как умеют плакать только те, кому некому сказать: «Всё будет хорошо».

Где-то далеко, дома, мама накрывала на стол к ужину. Бабушка проверяла, закрыт ли газ. И обе ждали. Ждали, что Вика вот-вот позвонит и скажет: «Мам, я иду, открой дверь».

Но Вика молчала.

Глава 8. Бег

Вика открыла глаза.

В комнате было темно. Не той тёплой темнотой, какая бывает дома, когда сквозь шторы пробивается уличный фонарь и бабушкины часы на стене тихо тикают в ночи. Эта темнота была чужая, плотная, липкая, как туман над болотом. Потолок — незнакомый. Запах — незнакомый. И тело — чужое, будто не её.

Она лежала на боку, подтянув колени к груди, натянув на себя покрывало, и первые секунды не понимала, где она. Потом — как молния — вспомнила всё. И тело, и боль, и руки, и голос, и тьму, в которую она провалилась.

Сердце заколотилось так, что она услышала его в ушах. Дыхание стало частым, рваным, как у загнанного зверька.

Тихо. Тихо. Не дыши громко.

Она повернула голову. Рядом — никого. Место на кровати рядом с ней — смято, но пусто. Ушёл. Когда? Сколько она спала? За окном — ни зги. Ни рассвета, ни фонаря, только чёрное стекло, в котором отражался прямоугольник приоткрытой двери.

Надо уходить. Сейчас. Немедленно.

Вика села на кровати. Тело отозвалось тупой болью внизу живота, и она сжала зубы, чтобы не застонать. Руки затекли, пальцы не слушались. Она нашарила в темноте платье

— скомкано на полу, будто тряпка, будто кто-то вышвырнул его, не глядя. Лифчик — на спинке стула. Трусы — под кроватью. Она одевалась дрожащими руками, путаясь в застёжках, нервно оглядываясь на дверь, будто боялась, что кто-то войдёт.

Платье было мятое, в складку застрял волос — не её, тёмный, короткий. Вика выдернула его, словно обожглась, и бросила на пол.

Туфли стояли у двери, ровно, будто она сама их так поставила — будто знала, что придётся бежать. Она сунула ноги в туфли, не застёгивая ремешки, и на цыпочках вышла из комнаты.

Коридор был длинный, тёмный. Из зала доносился храп — кто-то спал на диване, раскинув руки. На столе — пустые бутылки, стаканчики, тарелки с засохшей нарезкой, чипсы, рассыпанные по скатерти. Пепельница, полная окурков. Запах — тяжёлый, кисловатый, перегар и табак. Будто здесь не жили, а только гуляли, и жизнь закончилась вместе с вечеринкой.

Вика шла, прижимаясь спиной к стене, держась за неё рукой, потому что ноги подкашивались. Мимо кухни, мимо вешалки, мимо тумбочки, на которой лежал органайзер — тёмно-синий, с яркой окантовкой, с ручкой, вставленной в паз. Она увидела его, и внутри что-то сжалось — не обида, нет. Что-то другое, более глубокое, более горькое. Будто этот органайзер был последней вещью, которую она сделала по-

настоящему, от сердца, и это сердце растоптали вместе с ней.

Она не взяла его. Оставила лежать.

Дверь. Замок. Щёлк. Тихо. Она открыла дверь, выскользнула на лестничную клетку и прикрыла за собой, стараясь не хлопнуть. Постояла секунду, привалившись к стене, и выдохнула — длинно, дрожаще, как после подводного плавания.

Всё. Уходишь. Беги.

На улице было темно и холодно. Тот самый октябрьский холод, который пробирает до костей, забирается под платье, под кожу, в самое нутро. Вика стояла на крыльце, босые ступни на ледяных ступеньках — туфли она держала в руках, потому что на каблуках бежать было невозможно.

Город спал. Ни единого огня в окнах, ни единой машины на дороге. Только фонари, редкие, тусклые, бросающие на асфальт жёлтые круги, похожие на лужи. И тишина — такая плотная, что слышно было, как где-то далеко, за кварталами, лает собака.

Вика сунула ноги в туфли и пошла. Потом — побежала.

Она не знала, который час. Три? Четыре? До рассвета ещё далеко, а значит — до десяти она должна была прийти вчера. Вчера. Это слово звучало как приговор. Вчера мама ждала. Вчера бабушка смотрела на часы. Вчера они обе сидели на кухне, и мама говорила: «Ну где она? Ну позвони хоть», — а бабушка отвечала: «Не переживай, Наташа, подружку, на-

верное, задержала. Вика — девочка хорошая, с ней ничего не случится».

С ней ничего не случится.

Фраза крутилась в голове, как заевшая пластинка. Вика бежала мимо спящих домов и закрытых ларьков. Пустые автобусные остановки с облупившимися скамейками мелькали, как кадры плохого кино.

Оступилась — туфля подвернулась, Вика чуть не упала, успела схватиться за ограду. Ободрала руку, почувствовала, как саднит кожа. Не остановилась. Яма в асфальте — полетела вперёд, сгруппировалась, ударилась коленом. Встала и снова побежала.

Мимо промчался одинокий автомобиль — «Волга», серая, с мутными фарами. Вика шарахнулась в сторону. Водитель не обратил на неё внимания. Может, принял за пьяную — девочка в мятом платье, на шпильках, бегущая по пустой улице в четыре утра. В девяностых таких было много.

Мимо школы — тёмной, тихой, с погашенными окнами. Мимо ларька, где она покупала органайзер — закрытого, с железными ставнями. Мимо детского сада, за оградой которого качели висели неподвижно. На одном сиденье зацепился обрывок красной ленты — будто кто-то повязал её на удачу, а потом забыл. Вика мельком заметила, и ей стало ещё холоднее.

Дыхание сбилось. Бок кололо, как ножом. Ноги гудели. Но она бежала, потому что стоять было страшнее, чем бежать.

Стоять — значит думать. А думать она не могла. Не сейчас. Сначала — домой. Сначала — закрыться. Спрятаться. Забиться в свою комнату, в свою кровать, под своё одеяло, и пусть мир подождёт за дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.